

Иван Егорович Энгельман

**Об исполнении иностранных
судебных решений в России**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Э62

Э62 **Энгельман И.**
Об исполнении иностранных судебных решений в России / Иван Егорович Энгельман –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 50 с.

ISBN 978-5-521-39216-2

ISBN 978-5-521-39216-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Судъ имперіи, разрѣшающій исполненіе, не долженъ будетъ входить въ разсмотрѣніе ни о подсудности, ни о томъ, была ли жалоба правильно сообщена отвѣтчику.

Въ упомянутой статьѣ, авторъ, прежде всего, разсматриваетъ теоретическую сторону вопроса. По его мнѣнію, дѣйствительно, изъ начала независимости государства и понятія верховной власти, необязательность иностранныхъ судебныхъ рѣшеній, внѣ предѣловъ того государства, въ которомъ они состоялись, должна быть признана аксіомой. Этой аксіомѣ авторъ противопоставляетъ взаимное удобство, которое бы могло произойти для государствъ, если бы установилась обязательность иностранныхъ судебныхъ рѣшеній, при чемъ ссылается на брошюру г. Будзинскаго „О силѣ судебныхъ рѣшеній, преимущественно по польскимъ законамъ“. (Спб. 1861). Тутъ же авторъ прибавляетъ: „Дѣйствительно, много выгоды представилось бы отъ установленія подобнаго начала; жаль, что рутина и невѣрное понятіе о собственномъ достоинствѣ, играющія роль и въ международныхъ отношеніяхъ, мѣшаютъ распространенію здравыхъ понятій по этому предмету“. Далѣе мы читаемъ: „по теоріи, судебныя рѣшенія должны почитаться необязательными внѣ предѣловъ государствъ, въ которыхъ постановлены, но на основаніи практическихъ соображеній, въ видахъ взаимнаго удобства, обязательность ихъ можетъ быть допущена.“ Всѣ эти выводы какъ то между собою не ладятъ; недостаетъ логической связи между ними. Авторъ согласенъ съ правильностью основнаго начала необязательности иностранныхъ судебныхъ рѣшеній и допускаетъ отступленіе отъ него единственно изъ практическихъ видовъ удобства. Но разсуждая объ этихъ удобствахъ, онъ плѣняется международною идилліею, и теоретически правильный выводъ оказывается ложнымъ, соблюденіе этого начала, превращается въ рутину, и то, что можетъ быть допущено ради удобства, провозглашается единственно здравымъ понятіемъ.

Переходя затѣмъ къ изложенію существующихъ въ Европѣ двухъ различныхъ системъ приведенія иностранныхъ судебныхъ рѣшеній въ исполненіе, господствующаго въ Ан-

гли и существующаго на материкѣ Европы, — авторъ раздѣляетъ европейскія государства на три группы: 1) Испанію, Португалію и Грецію, законодательства которыхъ будто бы явно неблагопріятны для таковыхъ рѣшеній; 2) Францію, Бельгію, Австрію, Пруссію, Баварію, Виртембергъ, Ганноверъ, Саксенъ, Баденъ, Женевскій-кантонъ, Папскую Область, которыя, согласно съ требованіями теоріи, допускаютъ обязательность иностранныхъ судебныхъ рѣшеній, при извѣстныхъ условіяхъ. Замѣтимъ здѣсь, что авторъ напрасно помѣстилъ Францію въ эту категорію, такъ какъ изъ его собственнаго изложенія видно, что здѣсь, по практикѣ судовъ, иностранныя судебныя рѣшенія не приводятся въ исполненіе, и что лишь новѣйшіе писатели утверждаютъ, что это соотвѣтствовало бы теоретически правильному взгляду. 3) Третью группу составляетъ Англія, которая отличается оригинальностью, несовѣмъ одобряемою авторомъ, но при которой, по нашему мнѣнію, вопросъ рѣшается самымъ правильнымъ образомъ: требуется доказательство, что рѣшеніе дѣйствительно судебное и что оно окончательное.

Русская судебная практика всегда держалась того мнѣнія, что по дѣйствующимъ узаконеніямъ рѣшенія иностранныхъ судовъ не имѣютъ въ Россіи законной силы. Хотя авторъ объявляетъ это мнѣніе неправильнымъ и силится доказать, „что нашему законодательству не чуждо правильное объ этомъ предметѣ понятіе и что въ немъ заключаются всѣ задатки къ установленію вполнѣ правильной системы приведенія упомянутыхъ рѣшеній въ исполненіе“, — но какъ онъ при этомъ сознается, что на самомъ дѣлѣ эти рѣшенія ни въ какомъ случаѣ не приводились въ исполненіе, и тутъ же сообщаетъ мнѣніе государственнаго совѣта въ томъ же смыслѣ, то приведенное положеніе оказывается лишь попыткою прикрасить рѣзкій фактъ и устранить, по возможности, препятствія къ насажденію новыхъ, болѣе либеральныхъ началъ.

Наконецъ, авторъ излагаетъ содержаніе постановленій уст. гр. суд. несовѣмъ согласно съ текстомъ закона. У него мы читаемъ:

„Прежде всего оговариваемся, что въ тѣхъ случаяхъ,

когда взаимными трактатами между государствами были постановлены особые правила объ исполненіи рѣшеній судебныхъ мѣстъ иностранныхъ государствъ, то исполненіе это должно производиться согласно съ сими правилами. На случай же, если договорами не установлено правилъ исполненія, постановлено слѣдующее“. Въ уст. же гр. суд. мы читаемъ: „Въ тѣхъ случаяхъ, когда ими не установлены *самыя правила* исполненія, соблюдается порядокъ, изложенный въ ст. 1274—81“. Хотя авторъ, какъ видно, несовсѣмъ точно передаетъ законъ, но даже изъ его словъ нельзя вывести того, что выводитъ онъ. Между тѣмъ онъ, очевидно, воображалъ, что ст. 1273 содержитъ въ себѣ правило, совершенно соотвѣтствующее современнымъ либеральнымъ воззрѣніямъ, ибо онъ заключаетъ свою статью слѣдующими словами: „Введеніе указанныхъ постановленій въ составъ нашего новаго кодекса, составляетъ эпоху въ исторіи законодательства по вопросу о приведеніи въ исполненіе рѣшеній судебныхъ мѣстъ иностранныхъ государствъ“.

Какого рода шагъ сдѣланъ былъ тогда нашимъ законодательствомъ, это разъяснено правительствующимъ сенатомъ лишь въ 1882 году, въ напечатанномъ ниже кассационномъ рѣшеніи отъ 27 января и 17 апрѣля, по дѣлу Адама. Въ то время всѣ, ни съ того ни съ другаго, были убѣждены, что если не въ другихъ, то по крайней мѣрѣ въ этомъ вопросѣ, русское законодательство, признавая вполнѣ самыя либеральныя и современныя требованія науки, есть въ Европѣ передовое. Только теперь, изъ упомянутаго кассационнаго рѣшенія пр. сената дѣлается съ достовѣрностью извѣстенъ весь ходъ кодификаціонныхъ работъ по этому вопросу и сообщаются весьма любопытныя, и вмѣстѣ съ тѣмъ самыя достовѣрныя свѣдѣнія, разомъ озаряющія все это дѣло такимъ яснымъ свѣтомъ, что никакихъ затѣмъ сомнѣній или неясностей уже быть не можетъ. Наука должна быть чрезвычайно благодарна за это правительствующему сенату.

Уже прежде извѣстно было, что въ проектѣ уст. гражд. суд. была статья, по которой, „правила, постановленные для

приведенія въ исполненіе рѣшеній судебныхъ мѣстъ Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, распространялись на рѣшенія судебныхъ мѣстъ тѣхъ иностранныхъ государствъ, въ которыхъ, на основаніи трактатовъ или законовъ, исполняются рѣшенія русскихъ судебныхъ мѣстъ“. Теперь мы узнаемъ, что въ соединенныхъ департаментахъ государственнаго совѣта, куда первоначальный проектъ поступилъ, правила объ исполненіи рѣшеній судебныхъ мѣстъ иностранныхъ государствъ отдѣлялись отъ правилъ для рѣшеній судовъ польскихъ и финляндскихъ, и приведенная статья (нынѣшняя ст. 1273) предполагалась въ слѣдующемъ видѣ: „рѣшенія судебныхъ мѣстъ иностранныхъ государствъ исполняются на основаніи правилъ, установленныхъ о томъ взаимными трактатами, а въ тѣхъ случаяхъ, *когда трактатовъ нѣтъ*, соблюдаются слѣдующія правила“. Такимъ образомъ, въ проектѣ соединенныхъ департаментовъ предложено было безусловное приведеніе въ исполненіе всѣхъ иностранныхъ судебныхъ рѣшеній, независимо отъ договоровъ и отъ соблюденія начала взаимности; т. е. предложено было правило, дѣйствительно соотвѣтствующее самымъ прогрессивнымъ желаніямъ передовыхъ дѣятелей на поприщѣ международного права, и, принимая это правило, наше отечество дѣйствительно сдѣлалось-бы передовымъ по рѣшенію этого вопроса. Соотвѣтствовала-ли бы дѣйствительная польза этой мѣры ея либеральному характеру—это другой вопросъ. Прежде окончательнаго утвержденія проекта, государственный совѣтъ потребовалъ по этому вопросу заключеніе министерства иностранныхъ дѣлъ, которое возразило противъ этой мысли, указывая на неудобство допущенія къ исполненію въ Россіи судебныхъ рѣшеній и тѣхъ государствъ, съ которыми по этому предмету не было никакихъ трактатовъ и въ которыхъ рѣшеніямъ русскихъ судебныхъ мѣстъ не дается никакого значенія, почему оно и предложило измѣнить редакцію конца статьи въ томъ смыслѣ, чтобы она относилась не къ государствамъ, съ которыми нѣтъ вовсе трактатовъ о взаимномъ исполненіи судебныхъ рѣшеній, а къ тѣмъ, которыя хотя и согласились о вза-

имномъ исполненіи рѣшеній нашихъ судовъ, но не постановили въ договорахъ самаго способа исполненія. Такимъ образомъ, въ ст. 1273 уст. гр. суд. слова „а въ тѣхъ случаяхъ, когда *трактатовъ нѣтъ*“, замѣнены словами: „въ тѣхъ случаяхъ, когда *ими не установлены самыя правила исполненія, соблюдается*“ и т. д. Очевидно, что это, по внѣшней формѣ своей не очень замѣтное измѣненіе, измѣняетъ совершенно смыслъ ст. 1273, придавая ей противное первоначальной редакціи значеніе. Конечно, было-бы гораздо болѣе цѣлесообразнымъ, выразить это измѣненіе болѣе яснымъ и положительнымъ образомъ, но относительно смысла измѣненія никакого спора быть не можетъ. Такимъ образомъ, оказывается, что въ то самое время, когда у насъ полагали, что со стороны Россіи узаконено такое начало, которое составляетъ эпоху въ исторіи законодательства (очевидно всемірнаго?) по этому вопросу, на самомъ дѣлѣ, по предложенію нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, принято было правило, которое не только не составляло прогреса во всемірной исторіи законодательства, но прямо должно быть признано нагомъ назадъ и мѣрою, достойною другихъ вѣковъ, какъ выражаются иные. Всѣ приведенныя въ заключеніи мин. иностр. дѣлъ неудобства, могли-бы быть устранены, если-бы просто восстановлена была первоначальная редакція комисіи, составлявшей судебныя уставы, или постановлено-бы было, что иностранныя судебныя рѣшенія приводятся въ исполненіе или на основаніи трактатовъ, или при соблюденіи начала взаимности. Принимая такое положеніе, Россія, конечно, никакого прогреса не произвела бы во всемірной исторіи законодательства по этому вопросу, но разомъ стала бы на гуманную точку зрѣнія цивилизованныхъ государствъ. Въмѣсто того, вслѣдствіе несовсѣмъ правильнаго доклада въ упомянутомъ заключеніи,—по крайней мѣрѣ сколько можно судить по тому, что изложено въ рѣшеніи сената,—наше отечество, по этому вопросу, разомъ стало внѣ европейскаго международнаго общенія. Произошло же это вотъ какимъ образомъ. Въ докладѣ дѣло изображено такъ, какъ будто во всѣхъ тѣхъ госу-

дарствахъ, съ которыми незаключено трактатовъ о взаимномъ исполненіи судебныхъ рѣшеній, рѣшеніямъ судебныхъ мѣстъ Россіи не дается никакого значенія. Здѣсь умалчивается о томъ, что иностранныя рѣшенія, въ большинствѣ государствъ, приводятся въ исполненіе на основаніи начала взаимности, и дѣло изображается такъ, какъ — будто исполненіе по началу взаимности почти одно и тоже, что исполненіе по трактату. Неизвѣстно, насколько все то, что изложено въ рѣшеніи сената по этому предмету, основано на заключеніи министерства иностранныхъ дѣлъ, только отдѣльныя положенія какъ то не клеятся между собою. „Въ вопросахъ международнаго права основнымъ принципомъ является взаимность“. „Этотъ принципъ проводится и нашимъ законодательствомъ“. „Законодатель, отвергнувъ принципъ взаимности исполненія судебныхъ рѣшеній, въ томъ неограниченномъ его видѣ, какъ онъ предполагался первоначальною комиссіею, составлявшею судебныя уставы, полагавшею достаточнымъ для допущенія исполненія рѣшенія иностраннаго государства, чтобы въ законѣ дѣйствующемъ въ томъ государствѣ, было упомянуто о взаимномъ исполненіи судебныхъ рѣшеній,—тѣмъ не менѣе удержалъ этотъ принципъ, какъ основное правило для исполнимости въ Россіи судебныхъ рѣшеній иностранныхъ государствъ, ограничивъ его лишь тѣми случаями, когда этотъ принципъ освященъ и обезпеченъ заключеннымъ о томъ взаимнымъ договоромъ“. Т. е. въ вопросахъ международнаго права основнымъ принципомъ является взаимность. Взаимность эта проводится и нашимъ законодательствомъ. Взаимность объявлена основнымъ началомъ и первоначальною комиссіею. Затѣмъ, соединенные департаменты предлагаютъ начало приведенія въ исполненіе всѣхъ иностранныхъ рѣшеній, даже безъ взаимности. Этотъ принципъ оспаривается мин. иностр. дѣлъ, какъ неудобный. Затѣмъ, такъ какъ могутъ быть государства, не признающія начало взаимности и могущія не придавать никакого значенія рѣшеніямъ русскихъ судовъ, что было бы конечно обидно для Россіи, то предлагается не сохранить строго начало взаимности, но устранить начало взаимности, начало устраи-

вающее международныя отношенія государствъ самымъ естественнымъ, простымъ и наименѣе стѣснительнымъ и хлопотливымъ образомъ, сохраняющимъ за государствомъ полную свободу дѣйствія. Такимъ образомъ, мин. иностр. дѣль, представивъ, по свидѣтельству сената, государственному совѣту выборъ лишь между началомъ взаимныхъ договоровъ и обиднымъ для Россіи началомъ, по которому она принуждалась бы привести въ исполненіе судебныя рѣшенія такихъ государствъ, въ которыхъ рѣшеніямъ русскихъ судовъ не дается никакого значенія, было причиною, что Россія вполне отказалась отъ европейскаго международнаго общенія цивилизованныхъ государствъ, и, „изъ рутины и невѣрнаго понятія о собственномъ достоинствѣ, стала мѣшать распространенію здравыхъ понятій по этому предмету, и ставить преграды осуществленію правды и справедливости по международнымъ правовымъ сношеніямъ“.

Въ то время, впрочемъ, все это оставалось неизвѣстнымъ, и измѣненіе въ редакціи закона, по причинѣ своей внѣшней какъ-бы незначительности, осталось незамѣченнымъ, чему содѣйствовала публикація соображеній къ уст. гр. суд. со стороны государственной канцеляріи. Государственная канцелярія сочла пужнымъ публиковать не подлинныя соображенія и протоколы государ. совѣта объ обсужденіи въ немъ судебныхъ уставовъ, которыя не только были бы весьма любопытны, но могли имѣть огромное значеніе для правильнаго толкованія уставовъ и принесли бы дѣйствительную и несомнѣнную пользу, но какія то выписки, которыя своею безсодержательностью лишены всякаго значенія и лишь содѣйствовали развитію воображаемой либеральной идилліи о прогрессивномъ и передовомъ характерѣ нашего уст. гр. суд. Въ упомянутомъ изданіи мы читаемъ: ¹⁾ „Заключенными и заключаемыми съ иностранными державами трактатами устанавливаются

¹⁾ Судебные уставы 29 ноября 1864 г. съ изложеніемъ разсужденій на коихъ они основаны. Изданіе государственной канцеляріи. ч. I уст. гр. суд. Сиб. 1866. стр. 583.

иногда правила о порядкѣ исполненія въ Россіи рѣшеній судовъ иностранныхъ и, наоборотъ, рѣшеній судовъ имперіи въ другихъ государствахъ, слѣдовательно въ уставѣ должно быть оговорено, что этими правилами и слѣдуетъ руководствоваться относительно исполненія такихъ рѣшеній и установленныхъ въ настоящей главѣ правила относятся только до тѣхъ случаевъ, когда по этому предмету въ международныхъ договорахъ не существуетъ указаній¹⁾. И только! Что ни предложение, то невѣрность! Такой знатокъ нашихъ международныхъ отношеній, какъ Ф. Ф. Мартенсъ, еще въ 1878 году заявилъ, что нѣтъ никакихъ трактатовъ Россіи объ исполненіи иностранныхъ судебныхъ рѣшеній, и что трактатъ, предложенный со стороны нидерландскаго правительства, остается до сихъ поръ мертвою буквою. Къ тому же, то, что изображено въ приведенномъ мѣстѣ этихъ соображеній, не даетъ никакой возможности догадаться о дѣйствительномъ содержаніи соображеній и рѣшеній государ. совѣта. Напротивъ того, изложеніе это должно было поддерживать мнѣніе тѣхъ, которые воображали, что иностранныя судебныя рѣшенія приводятся въ исполненіе въ Россіи безусловно. Тѣ, кто плѣнялся идилліею, что по международному общенію у насъ все обстоитъ благополучно, принимали въ соображеніе лишь ст. 1274 — 81 уст. гражд. суд., пропуская ст. 1273, какъ несовсѣмъ ясно изложенную.

Такъ поступаетъ напр. профессоръ Малышевъ, при изложеніи гражданскаго судопроизводства ¹⁾: „Наши законы объ исполненіи рѣшеній иностранныхъ судовъ пользуются незаслуженно дурною славою на Западѣ и обстоятельство это вредить авторитету русскихъ судовъ, по началу возмездія. Напр. въ циркулярѣ Австрійскаго мин. юст. 19 апрѣля 1865 г. говорится, что, по объясненію русскаго правительства, *auswärtige Urtheile von den Kaiserl. russischen Behörden unter keiner Befehlung vollstreckt werden*, и потому предписывается судебнымъ

¹⁾ Брошюа Малышевъ. Курсъ гражданскаго судопроизводства. т. II. СПб. 1875. 8. стр. 49.

мѣстамъ Австріи Beobachtung der strengsten Reciprocität. Въ сочиненіи Феликса, Россія относится къ числу тѣхъ государствъ, гдѣ судебныя рѣшенія, сами по себѣ, не имѣютъ исполнительной силы, а приводятся въ исполненіе по особому указу; слѣдовательно, заключаетъ авторъ, они не имѣютъ исполнительной силы за-границею. Тоже повторяетъ Massé. Если бы г. профессоръ потрудился послѣдовать примѣру западныхъ чиновниковъ и ученыхъ, и справиться, всегда и вездѣ, съ текстомъ официальныхъ источниковъ, то онъ вѣроятно пришелъ бы къ тому же самому выводу. Но этого то онъ не дѣлаетъ, а пробавляется своимъ убѣжденіемъ о передовомъ характерѣ уст. гр. судопр. по этому вопросу. Въмѣсто источниковъ онъ ссылается на статью г. Маркова и восклицаетъ: „На самомъ же дѣлѣ нашъ уставъ, по своей либеральности въ этомъ отношеніи, не только не уступаетъ западнымъ законодательствамъ, а даже превосходитъ ихъ, такъ что положеніе наше выходитъ несовсѣмъ удобнымъ“. Затѣмъ авторъ объясняетъ, какой порядокъ соблюдается на основаніи статей 1274—81 и заключаетъ угрозою возмездіемъ: „Если суды иностранныхъ государствъ не исполняютъ русскихъ судебныхъ рѣшеній, то, по международному праву, они заслуживаютъ возмездія равнымъ за равное“. Sic! Угроза совершенно лишняя, такъ какъ именно русскіе суды и не исполняютъ иностранныхъ судебныхъ рѣшеній—и вся теорія г-на профессора витаетъ какъ то и гдѣ то на воздухѣ, и не имѣетъ никакого основанія подъ собою.

Если цивилистъ допустилъ толкованіе, противное прямому смыслу закона, то неудивительно, что ту же самую ошибку встрѣчаемъ у публициста, также профессора С.-Петербургскаго университета Ф. Ф. Мартенса ¹⁾, изслѣдованія котораго отличаются вообще трезвостью, основательностью и положительностью взгляда. Въ статьѣ о приведеніи въ исполненіе иностранныхъ судебныхъ рѣшеній въ Россіи, ошибка произошла

¹⁾ Journal de droit international privé red. par Clunet t. V. Paris 1878. p. 139—141. De l'exécution des jugemens étrangers en Russie.

также отъ того, что авторъ, противъ своего обыкновенія, задался предвзятою мыслью о передовомъ и либеральномъ направленіи нашего законодательства по этому вопросу, направленіи прямо устраненномъ нашимъ правительствомъ и въ особенности нашимъ мин. иностр. дѣл. Задавшись этою мыслью, авторъ толкуетъ ст. 1273 уст. гр. суд. уже вовсе не заботясь о буквальномъ ея текстѣ. Онъ говоритъ: „существующія въ Европѣ понятія о русскомъ правѣ весьма неполны и сбивчивы, ссылаются на устарѣвшее уже сочиненіе Феликса ¹⁾. Еще въ 1872 году нашъ государственный совѣтъ совершенно справедливо опредѣлилъ духъ нашего стараго законодательства, объявляя, что въ Россіи рѣшенія иностранныхъ судовъ не приводятся въ исполненіе“. Намъ неизвѣстно, какое мнѣніе гос. совѣта авторъ при этомъ имѣетъ въ виду. Но певольно подумаешь, какъ автора не поразило 1872 годъ? Весьма жаль, что авторъ не сообщилъ болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ мнѣніи, по которымъ и было бы видно, что это мнѣніе дѣйствительно относится къ прежнему, старому законодательству. Не относится ли это мнѣніе именно къ новому законодательству, послѣ 1864 года? Авторъ продолжаетъ: „уст. гр. судопр. 1864 г. отказался отъ взгляда, достойнаго другой эпохи международныхъ отношеній, и сенатъ, своимъ кассационнымъ рѣшеніемъ отъ 17 октября 1873 г., поставилъ новый принципъ неоспоримо. Это рѣшеніе отличается замѣчательною ясностью и рѣдкою основательностью въ толкованіи настоящихъ цѣлей дѣйствующаго законодательства“. Ниже мы увидимъ, что это рѣшеніе не соответствуетъ самымъ элементарнымъ требованіямъ логики, и что сенатъ самъ, выполнѣ и навсегда, отказался отъ тогдашняго своего взгляда. Авторъ говоритъ, далѣе, о значеніи нашего уст. гр. суд., „что онъ произвелъ настоящую революцію по этому вопросу и что, благодаря ему, Россія примѣняетъ начала болѣе либеральныя и болѣе соответствующія желаніямъ (vœux) первостепенныхъ современныхъ юристовъ, чѣмъ многія другія

¹⁾ Droit international privé. 1844 г.